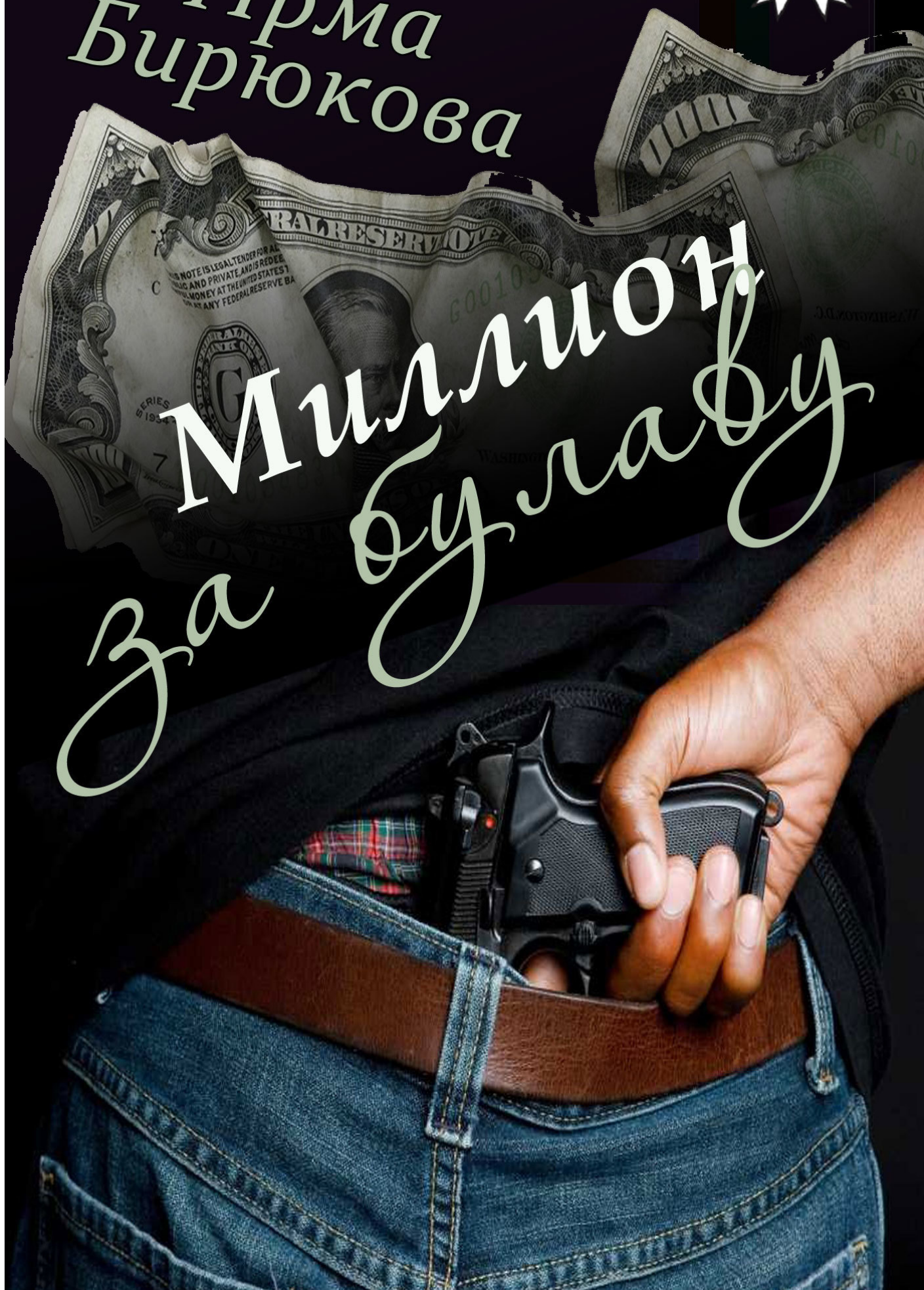

Ирма
Бирюкова

Миллион
за булавку

Ирма Бирюкова
Миллион за булаву

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Бирюкова И.

Миллион за булаву / И. Бирюкова — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

Сюжет и персонажи этой книги родом из лихих 90-х, повествование основано
на событиях, происходивших в те годы в самой западной части России -
Калининградской области.

© Бирюкова И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ирма Бирюкова

Миллион за булаву

Глава первая

Ничем другим это кончиться и не могло, – обреченно думала я, глядя на отчаянно ревущую дочь. Собственно «это» ничего определенного не означало, просто день с утра выдался на редкость неудачным. Прежде всего, мы проспали. Правда, в этом как раз ничего особенного не было. С суматошной беготни из туалета в ванную, оттуда на кухню, с поисков колготок, носовых платков, торопливого заглатывания каши и чая начиналось каждое утро в нашей маленькой, но дружной семейке. В последний раз, столкнувшись лбами в крохотной прихожей, потому что мои ключи почему-то каждый раз валялись под обувной полкой, наскоро поцеловавшись, мы с Марусей разбегались по делам. Вернее, разбегалась я, а мой хитрый ребенок только изображал страшную прыть. Едва свернув за угол нашей девятиэтажки, Маруся переходила с рыси на неспешный, я бы даже сказала, ленивый шаг и так плелась все триста метров до школы, где в своем 4-а» ей приходилось страдать по несколько часов в день.

Вся милая утренняя сценка повторилась и сегодня с той лишь разницей, что на этот раз под обувной полкой оказались не только мои, но и Марусины ключи. «Они же были у меня в сумке», – подозрительно глядя на неприлично голую девушку-брелок, произнесла дочь. Запихивая ключи в яркий импортный рюкзачок, она еще что-то недовольно бурчала, словно металлическая девушка самолично перебралась на пол.

Так что собственно неприятности начались по дороге на работу: меня успел перехватить Мишка, чего ни за что не случилось бы, выскочи я из дома хоть на пару минут раньше. Мишка – странная личность. Он мой коллега. Вот уже несколько лет мы трудимся в одной редакции и столько же времени живем в соседних домах. Иногда по утрам, если я теряю бдительность или он не сильно перебрал с вечера, вместе ходим на работу. Но я всячески стараюсь избегать этих свиданий, потому что Мишка удивительным образом умеет испортить настроение и всю эту способность пользуется. Он знает все, что творится в высоких редакционных кабинетах, и если там готовится какая-нибудь пакость нашему брату-корреспонденту, Мишка не упустит случая сообщить жертве, как плохи его дела. При этом он непременно выбирает момент, когда рядом никого нет, поминутно озирается, говорит свистящим шепотом и страшно плюется, а пот конец крепко жмет руку и сердечно произносит: «Но если что, я за тебя. Я им так и сказал, так что не думай...».

Вот и сейчас, не тратя времени на приветствия, Мишка крепко ухватил меня за локоть, интимно склонился к уху и вздохнув зашептал: «Да, мать, здорово ты прокололась! Шеф вечером тебя раз десять спрашивал. Где Смородина, да где Смородина? А Смородина даже в дежурную тетрадку не записалась! Ну, сегодня держись! Но если что, я за тебя, я ему так и сказал. Мол, Смородина – девка еще молодая, журналист неопытный, начинающий, ее не выгонять, а поправлять надо. Помогать надо, советовать, подсказывать».

– Что ты мелешь, Мишка? Откуда меня выгонять? И отпусти руку, синяки же будут!

С тем, что я уже давно не «девка молодая», да и журналист не такой уж неопытный, я даже спорить не стала. Бесплезно. Я действительно была молодой и неопытной, когда пришла в редакцию областной партийной газеты по распределению после московского журфака. Но, похоже, время – а с тех пор прошло девять лет – не имеет власти над особой кадровой психологией нашего творческого коллектива. Я и по сей день не стала в нем своей и заслужила, в лучшем случае, чуть больше снисходительности, чем ко мне проявлялось в первые пять лет трудовой деятельности.

– Мать, ты что – не в курсе, что ли? Ты же сдала материал про акции?

– Ну, сдала. Так он у меня заявленный, как положено, на планерке утвердили, я только задержала его немного, но за это ведь не увольняют, так что успокойся. И помни: я с тобой.

Мишка хмыкнул, игриво пихнул меня плечом и со словами «Ладно, я предупредил, а там гляди» открыл стеклянную дверь, пропуская в просторный вестибюль Дома печати меня и целую ораву таких же запыхавшихся дам. Окончательно нас разлучили лифты. Мишка не влез ни в один из двух и остался внизу. Через десять минут, когда на моем столе затрещал внутренний телефон, и трубка сладеньким голоском нашей секретарши Валечки с затаенным злорадством сообщила, что Смородину ждет товарищ редактор, я мысленно поблагодарила Мишку за то, что уже не надо ломать голову, зачем это я с утра пораньше потребовалась шефу.

– Верочка, голубушка, ты что же это задумала? – вальяжный и всегда невозмутимый Виктор Сергеевич откровенно волновался. – Ты что ж такое насочинила? Это же грязные инсинуации! На какой почве такие некрасивые подозрения? Ты им шьешь практически криминал, а у тебя кроме сплетен и домыслов, никакой фактуры! Это же все исключительно достойные, уважаемые, известные в области люди! И потом, не пойму, ты против рынка, что ли? Против генеральной линии? Против читателя?

– Виктор Сергеевич, я не могу, когда столько вопросов сразу! Давайте по порядку. Во-первых...

– Никаких первых и вторых, голуба моя! Забери свое произведение в секретариате и забудь о нем, как о страшном сне! Он не стоит того, чтобы его даже обсуждать. Не знаю, как твое, а мое время дорого. Иди и работай, Смородина. Глеб скажет, что у тебя сегодня.

Еще не закончив напутствие, редактор нажал кнопку селектора и озабоченно произнес в ящик: «Валечка, если кто ждет, пусть заходит». Поскольку я все еще упрямо торчала возле стола, пытаясь хоть что-нибудь сказать, Виктор Сергеевич раздраженно взял меня под локоток («Точно как Мишка», – промелькнуло в голове) и подтолкнул к двери, которая в этот момент распахнулась, впуская барского вида посетителя, стрельнувшего в нас злыми глазками из-под кустистых седых бровей.

Уже закрывая дверь, я услышала его неожиданно писклявый для такого солидного облика голос:

– Это и есть ваша Смородина?

Голова была занята выстраданным и так жестоко забракованным шедевром, поэтому я не обратила особого внимания ни на посетителя, ни на его странный интерес ко мне. А зря. Как вскоре выяснилось, внимания бровастый незнакомец стоил.

Однако времени, хоть и не столь дорого, как у начальства, у меня было в обрез, поэтому я сразу кинулась в секретариат, где ответсек Глеб, не дожидаясь никаких вопросов, протянул два сложенных пополам листочка, немилосердно исчерканных красным карандашом. Поперек всего текста шла жирная красная же надпись «Архиглупость!». Глеб, застенчиво дыша в сторону – и совершенно напрасно, потому что тяжелая аура перегара уже все равно распространилась по всему кабинету, – ободряюще похлопал меня по плечу и посоветовал сильно не переживать, а плюнуть и растереть. Тем более что шеф велел отправить меня на заседание депутатской комиссии, потом срочно выдать впечатления от выставки-продажи сельскохозяйственного оборудования, естественно, предварительно посетив ее, и, напоследок, попри-сутствовать на презентации фирмы «Друг», которая состоится в семь вечера в одно уютном частном ресторанчике. Репортажик строк на восемьдесят – вот все, что требовалось вынести с этого торжественного события.

– Глеб, ты в уме ли? У меня своих дел выше крыши, запланированных. Зачем мне идти на комиссию, когда этим у нас занимается Татьяна? Село всю жизнь было у Захарова, к тому же его материал с выставки уже на машинке, сама вчера видела. А презентация эта? Я должна, на ночь глядя, тащиться в какой-то кабак? Будто я не знаю, что это такое – уютный ресторанчик!

Как я домой доберусь? А Маруся? У нас сегодня гимнастика! И не ломай ты шею, дыши ровно, я уже с порога поняла, что тебе надо не тут торчать, а пойти опохмелиться.

– Вера, я тебе передаю распоряжение редактора. Не нравится – с ним разбирайся. А на похмелку дензнаки нужны. Если есть – давай, а то бесплатно советовать все вы горазды. – Глеб обиженно отвернулся.

Я махнула рукой и побрела к себе. Сунула исчерканный материал в сумку и задумалась. Что-то здесь не так. Я не считаю себя выдающимся мастером пера, но обычно мои писания не возвращают, да еще с такой разгромной резолюцией. Кстати, совершенно несправедливой. Да еще без всяких объяснений. И потом, почему мне так плотно зажали день? До поздней ночи я получаюсь на работе. Да это-то ладно, в газете всякое бывает, случается, что и продохнуть некогда, но никто и никогда не навязывает расписание. Я протянула руку к телефону, хотела узнать у Татьяны, признанного знатока советов, депутатов и их комиссий, почему меня сунули в ее тему, но не успела, потому что аппарат неожиданно – я даже вздрогнула – зазвонил сам. Я сразу узнала Игоря – консультанта моей «Архиглупости». Собственно, он больше, чем консультант. Если бы не Игорь, я бы за эту инвестиционную компанию с ее липовыми акциями ни за что не взялась.

– Игорь, материал зарубили, – сходу пожаловалась я.

– Я как раз хотел тебя предупредить .... но это не по телефону. Надо встретиться.

Только позже я поняла, что пропустила мимо ушей еще одну странность, но тогда успела только произнести:

– Сегодня не могу.

Объяснить, почему не могу, не получилось, потому что дверь распахнулась, будто от пинка, и в кабинет влетел разъяренный редактор. Видно было, что кривая его настроения резко шла вниз. И все из-за меня.

– Ты еще здесь, Смородина?! – Я не узнавала обычно обходительного с сотрудницами шефа. – Дисциплину у нас еще никто не отменял! Или ты сию же минуту отправляешься на комиссию, или получаешь выговор в приказе! Через две минуты проверю, так что рекомендую прекратить посторонние разговоры по телефону! И предупреждаю: никуда не таскай эту свою статью, не позорь себя и газету!

Сходив ненадолго замуж, я, в общем-то, знаю, как бороться с мужскими истериками, поэтому как можно ласковее, с придыханием прошептала в трубку: «До встречи, милый, и обязательно позвони мне сегодня вечером. Я буду очень, очень ждать...!». Шеф так раскричался, что Игорю, конечно, все было слышно, поэтому он моментально сориентировался и без всякой надобности, потому что редактор уже шумно захлопнул за собой дверь, подыграл мне не менее ласковым: «Целую, лапа».

А я, схватив сумку, выскочила в коридор и успела крикнуть в широкую редакторскую спину, что на депутатов, так и быть, согласна, и на выставку тоже, если, конечно, редакции необходимы с нее целых два материала, но ни на какую ночную презентацию не пойду, пусть он объявляет хоть десять выговоров и пусть даже увольняет. Приподнятые поролоновыми подкладками плечи стильного пиджака чуть дернулись, и хотя ответа не последовало, я поняла, что зланные увеселения отменяются.

Внизу я быстренько оглядела припаркованные к Дому печати легковушки, надеясь обнаружить в редакционной черной «Волге» Антона Петровича. С ним всегда можно было договориться, но за рулем важно развалился пухлый и вредный Санечка, у которого никогда не было бензина для рядовых сотрудников. Я свернула к трамвайной остановке, на бегу успев злорадно отметить, что Санечка со своей заметно потрепанной «Волной» сильно теряет от соседства с новеньким красным «Мерседесом».

После нудного депутатского толковища, о котором писать было совершенно нечего, потому что ничего, естественно, на нем не решилось, я, тем не менее, прямо в облсовете

набросала отчет, устроившись в крохотном кабинетике помощника председателя этой самой постоянной комиссии, который ко мне почему-то благоволил. Потом, памятуя о предстоящих в случае неповиновения грозных репрессиях, двинулась на сельскохозяйственную выставку, быстренько проскочила вдоль длинного ряда агрегатов, надо сказать, устрашающего вида и залегших, словно в засаде, и помчалась навстречу новым неприятностям.

Очередная имела даже имя – Карина – и все к нему прилагающееся: руки, ноги, голову и чрезвычайно острый язычок. Карина была тренером детской спортивной школы, и в ее группу по художественной гимнастике вот уже третий ход ходила моя Марусенька. Раньше я ее отвозила и привозила, но с этой зимы решила только встречать. Все-таки уже десять лет, пора привывать к самостоятельности, тем более что трамвайная остановка была напротив спортзала, а другая в пяти минутах ходьбы от дома.

Трижды в неделю наши с дочкой утренние хлопоты разнообразились нытьем по поводу того, что надоела Маруське эта гимнастика, что Карина злая и противная, что она лягается, как лошадь, если не так поставишь бедро, и вообще, чуть что – ругается и обзывается «мясокомбинатом», и что надо быть совершенно бессердечной матерью, чтобы позволить посторонней, грубой и невоспитанной женщине издеваться над единственным ребенком. «А если она мне на растяжке связки порвет?» – трагически округлив глаза, вопрошала Маруся, зорко наблюдая за моей реакцией. И стоило чуть-чуть, в самой глубине души, дрогнуть, как она моментально развивала наступление. В конце концов, я соглашалась, что уж один-то разик пропустить тренировку можно, но вот послезавтра... «Обязательно, мамочка, как можно два раза подряд! Разве я не понимаю?» – радостно прыгала на меня Маруся и слюнявила щеки горячими благодарными поцелуями. Послезавтра все ее претензии к Карине повторялись с небольшими вариациями...

Но сегодня мы никак не могли пропустить занятия. Маруся это понимала и утром даже не заикнулась на любимую тему. Сегодня Карина проводила генеральную репетицию завтрашних соревнований, ответственного показательного мероприятия, к которым она относилась очень серьезно. Бедные девочки за месяц начинали ощущать важность события, и по мере приближения заветного дня тренировки становились все жестче, а гонения на нерадивых – все суровее. Родителям тоже доставалось. Кроме жалоб на дочерей, Карина одаривала нас подробными инструкциями о том, что должно быть надето на девочках, что обуто (каждый раз непременно новые, ненадеванные белые тряпичные тапочки), какие из предметов должны быть выстираны, какие отполированы (чтобы булавки блестели!), и сколько денег надо собрать «на организацию», то есть на цветы, минералку и пирожные на стол судейской коллегии, на призы для победителей и на всякие пустячки для утешения неудачниц.

Слава Богу, у меня все было готово. Я даже успела украсить симпатичный «торжественный» купальник круглым кружевным воротничком и манжетами почти по Гумилеву. Но если за внешний вид душа моя была спокойна, то за проставленные Маруське баллы – отнюдь. Я предчувствовала, что так просто Карина нас сегодня не отпустит и придется выслушать, что «ваша девочка, уважаемая Вера Николаевна, очень способная, но еще больше – ленивая», что она не элегантная и не умеет показать кураж, что напрасно я не воспитываю в дочери силу воли и волю к победе, что, наверное, у меня на первом месте собственные интересы, а не забота о будущем Маруси, которой останется только болтаться по подворотням, если она, Карина, ее выгонит. А именно это и произойдет, если мы с дочкой не возьмемся за ум!

Я и так-то всячески избегала столкновений с Кариной, а в такие дни, как сегодня, просто боялась попадаться ей на глаза. Но когда у Карины созревало желание пообщаться с родителями, избежать этого было невозможно. Вот и сейчас маленькая, юркая, жилистая и чернявая Карина, словно чертик, выпрыгнула из зала, как только я зашла в раздевалку. И пока Маруся, пыхтя, стягивала купальник, гетры, тапочки (каждодневные), она бойко и с большим чувством выдала обычный репертуар угроз и обвинений, закончив, однако, несколько неожиданно.

данно, так сказать, не в русле: «Знаете, Вера Николаевна, определенные сдвиги есть. За обруч я, правда, беспокоюсь, но вольные у Маруси на уровне». Едва не прослезившись от непривычной похвалы, я подхватила Маруську, и мы помчались на остановку, от которой, естественно, как раз отходила наша «шестерка». Мы даже успели постучать в заднюю дверь, правда, не рассчитывая, что девушка-водитель сжалится, – так, на всякий случай. Она и не сжалилась, и мы приготовились не менее, чем к получасовому ожиданию.

– Мама, возьмем такси, – проныла Маруся, бессильно висевшая на моей руке. – Ну и что, что дорого, зато быстро. Мы хоть выспимся.

И, не встретив сочувствия, еще жалобнее добавила: «У меня ведь завтра такой ответственный день!». Это было справедливо, да и мне и самой не больно-то хотелось торчать на остановке, и Игорь должен позвонить, и белье в ванне замочено с вчерашнего утра, и очень хотелось есть. Господи, хлеба-то в доме ни крошки! Значит, еще надо заскочить в магазин, а через полчаса булочная возле нашего дома закрывается. Придется выходить на площади – как раз на середине пути – там гастроном открыт до одиннадцати вечера. Нет, наверное, все-таки надо брать такси. Черт с ними, с деньгами, в понедельник у нас аванс и гонорар. С хлебом до алиментов продержимся. И все-таки я еще раздумывала и, кто знает, решила бы махнуть редко проезжающим мимо «Волгам» с белыми пашечками, если бы судьба не приготовила нам сюрприз.

Из-за поворота, почти не сбавив скорости, вылетели синие «Жигули» и с визгом затормозили возле нас с Марусей, хотя я и не думала голосовать, родными средствами массовой информации приученная с подозрением относиться к левакам, на которых некому даже будет потом пожаловаться. Но тут за рулем сидел простецкий с виду, немолодой дядька в смешной клетчатой кепчонке и приветливо, хотя и несколько суетливо, сам замахал нам рукой. При этом он с интонациями базарного зазывалы приговаривал: «Давайте, мамаша, заходите в машину, доставлю в лучшем виде. Девчоночка-то у тебя, глянь, на ногах не стоит. И где так замаяла дите!». Маруська с надеждой глянула на меня и, не дожидаясь родительского благословения, кинулась к задней дверце, которую клетчатый частник галантно распахнул перед ней. «А тебе, мамаша, придется рядом со мной, а то взад у меня вещички сложены, с дачи везу, не поместишься. А впереди оно еще и удобнее, мамаша. Как королевы поедете».

Я плюхнулась на слегка замызганное переднее сиденье и, повернувшись к Марусе, увидела, что ей и одной едва-едва хватает места, потому что салон действительно был завален какими-то сумками и туго набитыми сетками. На вершине этого хозяйственного изобилия красовалось оцинкованное корыто, из которого торчал пузатый школьный портфель, Маруська прижалась к дверце, а свой рюкзачок примостила внизу, придерживая его за оранжевую лямку.

– Поехали, – скомандовала я водителю. – Только остановитесь у гастронома на площади, нам хлеба надо купить.

– Остановлюсь, мамаша, почему нет, только в таком разе ты мне триста рубликов уж сейчас давай. Я тебе верю, личность у тебя серьезная, интеллигентная, да и дите при тебе, но уж у нас порядок такой. А то сейчас один вот тоже попросил остановиться, вышел с друзьями поговорить, а сам...

– Смылся, что ли? – Без особого интереса поддержала я разговор.

– Да не то, чтобы смылся, друзья, похоже, не те оказались, – вроде бы и сам удивляясь, задумчиво объяснил водитель. – Там такая драка началась, я и дожидаться не стал, уехал от греха подальше. Вроде как стреляли даже.

В стрельбу я, конечно, не поверила, но спорить не стала. Порядок есть порядок, да и разговаривать не хотелось. Нашаривая в сумке кошелек, я наткнулась на свою с позором возвращенную «архиглупость» и сразу вспомнила все странности, которыми сопровождалась эта процедура. В том числе и ту, что промелькнула в коротком разговоре с Игорем. О чем он хотел меня предупредить? Не мог же он знать то, о чем я сама узнала за несколько минут до его

звонка! Но он сказал: «Я как раз хотел тебя предупредить». Я так задумалась, что неожиданно крутой вираж «Жигулей» застал меня врасплох. Высоко подпрыгнув на сиденье, я завалилась к дверце и больно прикусила язык.

Сзади жалобно пискнула Маруся: вместе с корытом на нее упало несколько свертков и узлов, и бедный ребенок еле выкарабкался из-под этой кучи. «А где мой рюкзак? – заверещала она, ныряя рукой в грудку сумок, оставшихся на полу. Покопавшись там, она, видно, нащупала знакомую лямку, потому что успокоенно произнесла: «Вот он, мой миленький и красивенький!». Ярko раскрашенный и разрисованный рюкзачок действительно был хорош, но Маруся дорожила им главным образом потому, что это был подарок бабушки на день рождения. К тому же он был не только вместительным, но и многофункциональным. Маруся ходила с ним в школу, в магазин, на тренировки и никаких других сумок не признавала.

– Вы бы поосторожнее, дядя, – недовольно прошепелявила я, ощущая во рту ржавый привкус крови.

– Извиняюсь, мамаша, но гляди, какой народ дикий ездит, прет прямо в лоб! Как пить дать, врезался бы, не сверни я в сторону! А вот и ваш гастронорм, бегите за хлебом. Я чуток вперед проеду.

Маруська, конечно, выскочила следом за мной, как я ее ни уговаривала «посидеть с дядей». Очередь, на наше счастье, была небольшая, но минут десять на нее ушло. «Ладно приплачу полтинник, не сотню же он запросит за ожидание, совесть-то должна у человека быть», – думала я, бегом пробираясь к выходу и волоча за руку еле передвигающую ноги Маруси.

Совести у человека – во всяком случае, этого – не было. Как мы с Марусей ни вглядывались в реденькую кучку машин, припаркованных к тротуару «чуток впереди» гастронорма, нашей среди них не оказалось. Ни впереди, ни позади, нигде не стояли синие «Жигули», хозяин которых присвоил наши кровные триста рублей.

«Жулик», – дружно решили мы с Марусей, но сильно расстраиваться сил уже не было. Не особенно даже торопясь, мы двинулись к трамвайной остановке. «Шестерка» подошла неожиданно быстро, и мы благополучно добрались до дома. Было еще совсем не поздно, около десяти, когда я, покормив Марусю, поплелась в ванную, чтобы взяться наконец за стирку. Маруся у себя в комнате разбирала рюкзак. Я уже налила воды в точно такое же, как в машине у жулика-частника, корыто, и только протянула руку к пачке «Лотоса», как из Маруськиной комнаты раздался жуткий вопль, потом оглушительный рев. С внезапно остановившимся сердцем я секунду бессмысленно глядела на корыто, а потом кинулась к Марусе.

Картина глазам предстала такая: моя дочь, раззявив в горьком плаче рот, стоит возле кровати. На кровати, зияя, в свою очередь, расстегнутой застежкой-молнией, стоит яркий рюкзак с отваленной в сторону лямкой, которая из оранжевой почему-то превратилась в фиолетовую. Увидев меня, Маруся дернула за эту лямку и сквозь слезы возмущенно выговорила: «Посмотри, чего это он...». Тут она всхлипнула и продолжать не смогла из-за нового приступа рыданий. Но я и так уже видела «чего это он». Вместо купальника, тапочек, ленты на тонкой рукоятке, в поте лица сооруженной мною из бамбуковой удочки, вместо пары булавы и резинового мяча, короче, вместо спортивных причиндалов Марусин рюкзак был доверху набит пачками денег, перетянутыми вдоль белыми бумажными полосками. Почему-то стараясь не задеть рюкзак руками и для верности даже заложив их за спину, я наклонилась над деньгами и обнаружила, что это не рубли! Тут же мне стало ясно, что это такое, но я, продолжая тупо пялиться на зеленые купюры, спросила у Маруси: «Что это, Мария?».

Видимо, потрясенная непривычным в нашем обиходе обращением, она внезапно перестала реветь и любезно ответила: «Это баксы, мамочка. Не видишь разве?». На большее Марусю не хватило. Она снова зашла в плаче, выкрикивая между всхлипываниями: «Как же... Карина... соревнования... лента... булавы... убьет!». Вот тут-то я и подумала, что этот паскудный день только так и мог кончиться. Одно к одному, как говорила моя лучшая и един-

ственная в жизни подруга Люська, которая, к сожалению, живет совсем в другом городе, и у нее нет даже телефона, чтобы я могла ей пожаловаться на очередную подножку судьбы.

Глава вторая

– Ладно, Маруся, – изо всех сил стараясь казаться спокойной, чтобы еще больше не расстраивать ребенка, сказала я наконец. – Ну, баксы. Ну и что? Не видали мы их, что ли?

Доллары и в самом деле не были диковиной в нашей семье. В прошлом месяце я получила их целых 10 штук – за использование в газете города Киля мой публикации о поисках Янтарной комнаты, вернее, о всех глупостях, которыми этот полувековой процесс сопровождается. «Мадам! – галантно было сказано в прилагаемой записке на фирменном бланке. – Мы надеемся на дальнейшее сотрудничество». «Я тоже, если на таких условиях», – промелькнуло в голове, пока мы обменивались приличествующими случаю любезностями с доставившей валюту okazией – пожилым, хорошо отмытым иностранцем, приехавшим в наш город поклониться могилам предков.

– А с соревнованиями как-нибудь уладим. Что, у Карины лишней ленты не найдется? Тапочки мы, слава Богу, с собой не брали. Купальник вот жалко. На кой черт понадобилось вас вырядить на репетицию? Ну, оденешь, в конце концов, синенький. С полосочкой.

– Да-а-а, с полосочкой! – сквозь слезы недовольно протянула Маруся. – Он же старый. Из него трусики все время вылезают. Карина ругается.

Судя по интервалам между всхлипываниями, ребенок успокаивался, и имеющееся в наличии сокровище начинало привлекать его больше, чем утраченное. Маруся придвинулась к рюкзаку и задумчиво пробормотала: «Интересно, сколько тут?».

– Не вздумай ничего трогать, Маруська! – прикрикнула я, лихорадочно соображая, что же делать. – Сейчас вызову милицию, пусть они их считают, забирают и, вообще, делают, что хотят.

Я направилась в прихожую к телефону, но Маруся успела ухватиться за подол старенького домашнего платья.

– Мама, – страшным шепотом заговорила она, – в милицию звонить нельзя.

– Почему это?

– Как ты не понимаешь, они же придут за своими деньгами. А мы их мало того, что утащили, так еще и в милицию сдали. Они же нас убьют!

– Маруська, что ты несешь? Ничего мы ни у кого не утаскивали. И кто это «они»? И как это «они» нас найдут? А даже если и найдут, то неизвестно, когда. Мы что, сторожить их валюту должны, пока они в поиске? Смотреть за деньгами надо лучше! Ты хоть представляешь, что здесь не десять долларов?

Я решительно выдернула подол из Марусиного кулачка, но позвонить в милицию не успела, потому что телефон сам подал голос.

– Верочка, я не слишком поздно? Но у вас никто не отвечал, а ты так просила...

– Игорь, – перебила я, внезапно сообразив, что это самый подходящий человек для того, чтобы дать разумный совет по поводу свободно конвертируемого рюкзака. – У нас тут маленькая проблема. Представляешь, возвращаемся мы с Марусей с тренировки....

Но тут перебили меня. Маруся, свирепо вытаращив глаза и приложив палец к губам, нажала на рычаг.

– Да что с тобой? Ты что, не помнишь Игоря? Он во всех этих финансах, валютах, мафиях, в отличие от нас с тобой, разбирается. У него знакомых везде полно. Если кто и может что-нибудь посоветовать, так это он. Если уж ты не хочешь в милицию, с кем попало же не поговоришь. Не хулигань, Маруся, и так голова кругом.

– Мама, никому ничего нельзя говорить и никому нельзя доверять. Это же баксы! Давай-ка лучше сами спокойно посидим и подумаем, как будет лучше.

Действительно, мысленно согласилась я, привычная, что в нашем семейном дуэте верховодит моя смышленная дочь. Что это за паника: то в милицию, то с Игорем советоваться... Лишь бы самой не беспокоиться. Никому наши проблемы не нужны. И раз уж доллары попали к нам, сами мы и должны выпутываться из этой нечистой истории. И когда снова затрещал телефон, и Игорь спросил, что там случилось с аппаратом и со мной, я ответила, что ничего особенного, случайно задела, а теперь мне некогда, потому что надо укладывать Марусю, потом еще стирать, а завтра я сама позвоню, потому что надо же поговорить о загубленном нашем труде – материале под рабочим названием «Кампания компании», так что спокойной ночи, Игорь, до завтра!

Я сама чувствовала, что все это звучит как-то не очень убедительно, уж не знаю, что подумал Игорь, но он покладисто сказал: «Ладно, Вера, как хочешь. Только не забывай хорошую пословицу – не откладывай на завтра то...». Я даже не дослушала. И только положив трубку, сообразила, что забыла его спросить, о чем он хотел предупредить меня днем. Ладно, завтра так завтра.

– Давай, мама, подумаем, как они у нас оказались, – рассудительно предложила Маруся, когда мы вернулись к долларам.

– А чего тут думать, ты перепутала рюкзаки, когда машину занесло, и на тебя посыпалось все то барахло. Напихал для маскировки. «На дачу везу», – злобно передразнила я водилу-валютчика. – Свой в куче ты упустила, а чужой подхватила. Значит, надо искать дядю в кепке. А я на номер даже не посмотрела.

– А я посмотрела! – торжествуя выпалила Маруся. – И запомнила, потому что получился мой день рождения. 20–81. Завтра мы его найдем, отдадим деньги и заберем мой купальник. И без всякой милиции, тихо-мирно. И поклянемся, что никому ничего не разболтаем.

Неожиданно Маруся расхохоталась.

– Ты чего? – мне было не до смеха, я соображала, согласится ли ведущий криминальную тематику Мишка помочь мне выяснить владельца машины по номеру.

– Представляешь, какое у него сделается лицо, когда он полезет за баксами, а вытащит мой купальник с кружевами?

От этой картины я тоже развеселилась, и вечер закончился вполне приятно. Правда, за стирку я так и не взялась, потому что мы долго искали, куда бы на ночь спрятать валюту, чтобы было совсем надежно. Наконец, засунули рюкзак на антресоли, в пластиковый мешок с зимними вещами, и Маруська, умиротворенная, улеглась в постель, не забыв потребовать, чтобы я, как всегда, посидела рядом.

– Слушай, Маруся, – воспользовалась я случаем провести среди дочери воспитательную работу, – может, с долларами ты и права, но как же это можно никому вообще не доверять? Так же невозможно. У людей же есть и родственники, и старшие коллеги, наконец, друзья...

– Ага, – насмешливо перебила Маруся, – ты еще про свою Люсю расскажи!

Я смущенно замолчала. Люська действительно плохо вписывалась в беседу о верной дружбе. Именно к ней от нас с Марусей ушел легкомысленный отец и муж Володя Смородин. Правда, я сама его к ней толкнула, можно сказать, собственными руками. То, что каким-то чудом доставшийся мне в спутники жизни красавец, балагур и умница с физмата – не приверженец супружеской верности, стало безнадежно ясно на втором году совместной жизни, когда Маруся только родилась. Одинокими вечерами в нашей общежитской «семейной» комнате я плакала, страдала и составляла планы страшной мести, но так и не решилась что-нибудь предпринять, главным образом, из-за того, чтобы «ребенок не рос сиротой». Конечно, все свои горести я щедро выплескивала на Люську, с которой мы нежно дружили с первого класса и вместе поступили в университет. Она мне очень сочувствовала, возмущалась и одно время даже не разговаривала с Володей. Принципиально. Но однажды в ответ на мои стенания она вдруг сказала:

– Да пожалей ты его, Верка!

И когда я озадаченно вытаращилась на нее, спокойно объяснила:

– Ну, какая ты ему жена? Он же от тебя уже по всей общаге пробежался! Мужик на глазах курвится, а ты все хнычешь. Его в кулаке надо держать, а ты размазня!

– Его удержишь! Попробуй! Как же! – мне было очень обидно.

– И попробую! Я в общем-то тебя..., как раз собиралась с тобой поговорить... – Люська замялась, что было не в ее обычае, и я, не видевшая мужа уже два дня, поняла, что дело плохо.

– Так он что, у тебя?

– Да. Собирается возвращаться. Но я его не пушу, так что не жди. Он с тобой погибнет. Ищи себе такую же тряпку.

Я не стала спорить. По правде говоря, даже обрадовалась, что уже ничего не надо решать. Вот долгой дружбы с Люськой было жалко, но и это уладилось. Через два месяца Люська прибежала ко мне вся в слезах и первым делом заглянула под кровать. Оказывается наш Володя, как колобок, благополучно укатился и от нее. Мы хором поплакали над несчастной бабьей долей, и дружба была спасена, не прервавшись даже после университета, когда Люська осталась в Москве, а я по распределению приехала сюда, в город, откуда по иронии судьбы был родом мой вероломный супруг и где до сих пор жила его мать, моя бывшая свекровь. С ней мы, между прочим, тоже остались в самых добрых отношениях, а в Маруське жившая одиноко бабушка просто души не чаяла. Та ее тоже любила, а вот Люську ненавидела с недетским пылом. Как-то с год назад, сумев вытянуть из меня эту старую историю, Маруся убеждена теперь, что Люська – подлая предательница: «Не понимаю, мама, как ты ее простила!». Я оправдываюсь неуклюжим: «вырастешь – поймешь», на что дочка презрительно щурит глаза. Совсем как сейчас при упоминании Люскиного имени.

– Ну ладно, оставим Люсю, не твоего ума еще это дело. А вот как же с Липой? Разве ты ему не доверяешь?.

Тут пришла Маруськина очередь смутиться. С Липой они были неразлучны, несмотря на возрастные и половые различия. Липу по-настоящему звали Андреем, это фамилия у него была Липин. Он был на два года старше моей дочери, но после того, как их «взрослой» детсадовской группе поручили шефствовать над младшей, Марусиной, мальчик взял ее под персональный присмотр. Они со своей мамой заходили за ней утром, благо, жили мы на одной лестничной площадке, забирали ее в садик и вечером приводили домой. Андрюша всегда делился с ней всеми лакомствами, не давал никому в обиду, а став постарше, катал на велосипеде вокруг дома. Поначалу меня смущала эта детская любовь, потом я привыкла и даже немного забавлялась, наблюдая, как моя Маруська чисто по-женски умудряется командовать не по возрасту самостоятельным Липой.

Особенно повзрослел он после смерти матери, тихой и кроткой женщины. Перед этим она долго болела, и Липе приходилось заниматься совсем не детскими и не мужскими делами. Он ходил по магазинам, убирал квартиру, готовил, решительно отклоняя все мои попытки помочь. «И не уговаривай его, – слабым голосом, но с гордостью говорила Наташа. – Он ужасно упрямый. Весь в отца».

При этом она переводила обожающий взгляд на стену, где в рамочке висела свадебная фотография: выглядевшая совершенной девочкой Наташа и ее жених, надо признать, довольно красивый парень действительно с упрямым лицом. Парень, превратившийся в Липиного папу, между тем все время проводил на работе и в командировках, что было неудивительно, потому что он служил в милиции и имел майорский чин. Он был настолько занят службой, что мы с ним так толком и не познакомились, и я никак не могла запомнить, Егор его зовут, Игнат или Илья. Что-то такое исконно русское. Больше я о нем ничего не знала, хотя мы вежливо кивали друг другу при редких встречах в подъезде.

С год назад Липа сообщил, что его папа покинул службу, и у него теперь какое-то «дело». Дело, видимо, требовало еще большего времени, чем милицейские хлопоты, потому что двенадцатилетний Липа жил теперь, можно сказать, один. Однако за папу заступался каждый раз, когда я позволяла себе неодобрительно отозваться о странной работе, мешающей отцу позаботиться о ребенке. «Он заботится, – отвечал мне Липа. – И работа у него хорошая. А я уже большой». В общем-то, до Липино папы мне не было никакого дела, тем более, что мальчик все чаще соглашался поужинать с нами, а по выходным и пообедать, и вообще почти все время торчал у нас, что заметно отразилось на Марусиных отметках по математике. Я была довольна и в конце концов оставила его папу в покое.

Кстати, папа, расставшись с мундиром, потерял большую часть своей привлекательности. В последнее время, как ни редко и мельком я его видела, в глаза бросалось, что он плохо выбрит, неряшливо одет и, кажется, даже под хмельком. Во всяком случае, с месяц назад, поздоровавшись со мной на лестнице, он неожиданно качнулся, и пришлось буквально отталкивать его от себя. В этот момент мне стало так жаль осиротевшего Липу, на которого плевать хочет родной отец, что я нарочно со всей силы наступила папе на ногу острым каблуком. Видимо, удачно, потому что папа немедленно принял строго вертикальное положение...

– Да, Липа мой друг, – с вызовом ответила Маруся. – Но он настоящий друг, не то, что твоя Люся. А когда настоящий, все можно рассказывать. И еще он умный.

Подумав немного, она добавила:

– И мужа он у меня никогда не уведет.

– Да я же не спорю, глупенькая. Я, может, к нему даже лучше отношусь, чем ты. Но все-таки, раз уж мы договорились о долларах никому не говорить, то ты уж потерпи, пока мы водителя не найдем. Ладно?

Маруся кивнула и через минуту крепко спала. А я, взглянув на часы, подумала, что черт с ней, с этой стиркой, завтра! Тем более, что оно наступило. А через четверть часа, стеля себе на диванчике, вдруг поняла, что не может левак из потрепанных «Жигулей» быть хозяином этого рюкзака! И вообще, такие деньги в куче явно дачных, хозяйственных узлов не перевозятся, а если перевозятся, то попутчики-свидетели в таком случае не подбираются прямо с дороги. И еще я поняла, что одну-то ошибку в этот вечер точно допустила. Неизвестно только, когда: не позвонив в милицию или не посоветовавшись с Игорем. И как бы мне не пришлось за эту ошибку расплачиваться. Потому что моя умная дочка права, «они» нас действительно найдут. Но вполне может быть, что «их» опередит родная милиция, и, пожалуй, будет затруднительно объяснить, что доллары спрятаны на антресоли исключительно из соображений их сохранности для законного владельца.

Глава третья

Все следующее утро прошло в муках выбора. Звонить или не звонить? А если звонить, то куда? Маруся согласилась с моими сомнениями насчет водителя, но ничего толкового я от нее не дождалась, кроме предложения на время, «пока нас не нашли», перейти жить к бабушке. Но бедную старушку можно было таким нашествием перепугать насмерть, кроме того, я вдруг обрела уверенность, что нам с Марусей ничего не грозит, даже если «Они» нас найдут. По логике, «они» должны нам еще и спасибо сказать!. Через некоторое время я засомневалась, что услышу!спасибо». Еще через пять минут я вздрогнула от предположения, что вот пока мы тут рассуждаем, неизвестные «они» уже вышли на охоту. Стало неудобно и тоскливо. В общем, к тому времени, когда я отправила Марусю в школу с большим пластиковым пакетом, куда влезли и учебники-тетрадки, и белые тапочки со старым купальником, и строго-настрого наказала ей ехать после школы ко мне в редакцию, откуда мы вместе отправимся на соревнования, я так и не решила вопрос с телефоном и не позвонила никому.

На работе сразу началась обычная круговерть. Как водится, с вариантами. Чуть-чуть припоздав на планерку, я застала всю компанию в тот момент, когда бурно обсуждался какой-то Мишин материал. Причем обсуждался в атмосфере непривычной общей доброжелательности и согласия. Даже всегда суровая, гордящаяся резкостью (пардон, объективностью!) оценок Татьяна, отпугивающая самых настырных коммунальных жалобщиков – а известно, что хронически протекающий унитаз, от замены которого отказывается ЖЭУ, может превратить самого кроткого жильца в свирепого зверя – так даже эта Татьяна снисходительно произнесла, что все «подано со знанием дела, уважительно, но без подхалимства и угодничества перед сильными мира сего», в каковых пороках недоброжелатели подозревают нашу газету. По поводу данного замечательного материала даже так называемая свободная пресса, особенно якобы передовая компьютерная газетенка, нахально расположившаяся в подвале здания напротив Дома Печати и хвастающая своей независимостью (а гонорары у них просто курам на смех!), ничего сказать не сможет. В статье все достойно, не укусишь, а это значит, что есть еще перья в редакции! Остальные были еще более щедры в признании блестящих журналистских качеств коллеги и на вопрос редактора «Так что же, вешаем на доску лучших материалов?» все дружно закивали.

Мишка сиял, а я придвинула сегодняшний номер, который уже отложил в сторону вчерашний выпускающий. Первые же строчки заставили меня насторожиться, потому что шедевр начинался так: «Все было в нашей стране, даже путч. Но рыночных финансистов не было никогда. И вот теперь они есть. Такие, например, как президент инвестиционной компании «Сатурн», которую смело можно назвать маяком этого вида бизнеса».

Инвестиционная компания «Сатурн» – это и есть то самое сборище местного производства «экономистов», которых Игорь и я подозревали в искусном обмане доверчивого обывателя. Пронырам из «Сатурна» каким-то образом удалось заручиться поддержкой не только местного руководства, но и прославившихся на всю страну финансовых дельцов. Одна из таких знаменитостей побывала на пышной презентации компании и во время краткой, но чрезвычайно эмоциональной речи заверила собравшихся, что теперь-то уж хозяйственное процветание региона обеспечено. Надежные и честные руки подхватили прерванную было эстафету российского предпринимательства, для которого, как известно, честь – превыше всего!

Любопытно, что этот же самый тип успешно уклонялся от всех моих попыток получить у него интервью, и когда я все-таки настигла его в аэропорту, смотрел тоскливо, говорил нудно и восторжен только при вопросе «Каких вы предпочитаете женщин?». Финансовое светило мечтательно закатило глаза и произнесло: «Фламандская школа. Вот тут чтобы было и тут...». Руками оно изображало такие объемные женские формы, что я подивилась, как же оно с ними управляется. Физические данные светила не шли ни в какое сравнение с масштабами

интеллекта, а косолапость, похоже, начиналась у него от тазобедренных суставов. «И чтобы блондинка!» – увлеклась темой заезжая знаменитость, окинув меня насмешливым взглядом. Я грустно вздохнула. Невысокая, нетолстая шатенка, какое уж тут для меня интервью!

Но дело не в светиле. Просто компания на липовом уставном капитале выпустила липовые акции, за которые намеревается получить не липовые денежки. И немалые, даже несмотря на то, что в стране дикая инфляция и что рубли – деревянные. «Не то, что доллары у меня на антресолях!» – промелькнуло в голове. Но только промелькнуло, потому что разволновалась я страшно.

– Позвольте, – начала я, приподнимаясь с газетой в руке. – То, что делает «Сатурн», это афера! Вы же читали мой материал, Виктор Сергеевич! Какую бы архиглупость в нем вы ни усмотрели, но правовая часть доказательна и неоспорима. Их зарегистрировали без внесения половины уставного фонда. А они заявили в нем имущество, владельцами которого не являются! Порт, например. Это федеральная собственность! Акции ничем не обеспечены! Вы подумайте, в каком положении окажется газета, когда за этих «маяков» возьмется прокуратура?

– Планерка окончена, Смородина! – редактор покраснел. К сожалению, не от стыда. – И я уже тебе сказал, что твое произведение мы обсуждать не будем! А вот твое поведение придется. Ты опять опоздала! Задержись-ка.

Когда коллеги, неприветливо косясь на меня, покинули просторный кабинет, редактор мрачно спросил:

– Ты почему вчера не пошла на презентацию?

– Вы мне сами разрешили.

– Ничего я не разрешал, потому что ты ничего и не спрашивала. А что ты там мне в спину кричала, это дочке дома расскажи. Задание дано? Ты его выполнила? Нет? Знаешь, что это основание для дисциплинарного взыскания? Вот и хорошо, что знаешь. Даю тебе последний шанс. Сейчас «Друг» пришлет машину. Поедешь, задашь пару вопросов. Снимки они тебе свои дадут. Сделаешь репортаж в номер.

Я быстренько прикинула, что на машине я в общем-то успеваю туда-сюда и даже набросаю текст до прихода Маруси.

– Ладно. Какая у них машина? Я спущусь вниз, чтобы не терять времени.

– Машина у них «Мерседес», цвет «коррида», – со значением в голосе проинформировал шеф.

Я с невольным удовлетворением представила, как прокачусь на роскошном авто цвета крови свежеебитого быка (или тореадора?), и едва подойдя к стеклянной двери вестибюля, увидела, что мечта близка к воплощению. Прямо у входа стояла приметившаяся мне вчера машина, а рядом прохаживался бровастый незнакомец из редакторского кабинета с писклявым голосом. По-прежнему недобрым взглядом он буравил всех выходящих из Дома печати, и я инстинктивно отпрянула от прозрачного стекла.

Что-то случилось со мной со вчерашнего вечера. Что ни говори, а деньги имеют власть над людскими душами. Во всяком случае, меня они за одну ночь превратили в очень недоверчивую особу. Я всем нутром чувствовала, что никуда мне с ним ехать не следует. Сразу вспомнилось, как он вчера спрашивал обо мне редактора, и сейчас это показалось мне чрезвычайно подозрительным. Пусть будет дисциплинарное взыскание. В конце концов, я с таким же успехом задам ему эту пару вопросов по телефону. Пятясь на цыпочках, спиной натыкаясь на снующий в вестибюле народ, я пешком поднялась на свой шестой этаж. Никто меня не видел, и, запираясь на ключ, я облечено перевела дух. Телефон зазвонил минут через двадцать и трещал с небольшими интервалами часов до трех. Раза два кто-то подходил к двери, стучал и молча крутил ручку. Конечно, это не обязательно был редактор или «Друг», но я трубку не брала и на возню с дверью не реагировала. И сама звонить передумала, даже не пытаясь разобраться, почему так таюсь. И когда пришла Маруся, мы так же крадучись спустились по лестнице и

на всякий случай пошли на дальнюю трамвайную остановку. Маруся, взволнованная предстоящим испытанием, даже не спросила, зачем нам такие предосторожности.

Со снаряжением Карина все устроила, проворчав, правда, при этом, что у нее достаточно других забот «в такой день», чтобы еще добывать то, что настоящими спортсменами должно храниться, как самое дорогое сокровище. Всякие Маши-растеряши и их непутевые мамочки этого не понимают, но Карина знает, как привести их в чувство! Она прервала свое брюзжание неожиданным вопросом:

– Ну как, Вера Николаевна, нашел вас несчастный поклонник?

– Какой еще поклонник и почему несчастный? – удивилась я.

– А счастливый знал бы и ваше имя, и ваш адрес. А этот – только то, что вы очень симпатичная и дочку зовут Маруся.

– Я не знаю, о ком вы говорите, Карина. Но вообще-то нехорошо каким-то неизвестным людям давать сведения. ...

– Так вы давайте сами, – расхохоталась Карина. А то флиртуете, заманиваете и бросаете кавалеров. А им хочется продолжить знакомство с такой интересной дамой. Правда, если бы вы в детстве занимались гимнастикой, вашей фигуре это сейчас не повредило!

Ну что поделаешь, никому моя фигура не нравится! Но кто же этот поклонник? И тут я обрадовалась, что Маруся уже пошла переодеваться. Не успела я умом понять, что означает сообщенная Кариной новость о жертве моего флирта, как сердце откликнулось на нее внезапным бешеным биением. И все время, пока шли выступления, я лихорадочно соображала, как бы нам с Марусей незаметно выбраться отсюда и добраться до единственной нашей родственницы, – Марусиной бабушки. В том, что выяснив адрес и место работы, хозяин долларов – разыскивать меня, зная только Марусино имя, мог только он – (значит, все-таки водитель «Жигулей» сопоставил дочкин спортивный инвентарь и место, где он нас подобрал), даже не попытался пообщаться со мной, было что-то непонятное и пугающее. Правда, чуть погодя, когда соревнования уже закончились, я подумала, что бояться, в общем-то, нечего. Получив адрес, валютчики должны были немедленно ринуться ко мне домой, взломать замок, устроить большой шмон, забрать рюкзак, пересчитать свои денежки и быстренько свалить. И никогда не пытаться встретиться со мной, даже ради того, чтобы сказать сердечное спасибо. Зачем им свидетели? Логично?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.